

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(9), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Габриелян О. А. Новая социальность : герой в цифровую эпоху (русский контекст) / О. А. Габриелян, Д. В. Гарбузов, М. В. Гаспарян // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 9. — С. 189—203. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-9-189-203.

Gabrielyan, O. A., Garbuzov, D. V., Gasparyan, M. V. (2025). New Sociality: Hero in Digital Age (A Russian Context). *Nauchnyi dialog*, 14 (9): 189-203. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-9-189-203. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Новая социальность: герой в цифровую эпоху (русский контекст)

Габриелян Олег Аршавинович
orcid.org/0000-0003-0302-0229
доктор философских наук,
профессор кафедры философии,
корреспондирующий автор
gabroleg@mail.ru

Гарбузов Дмитрий Викторович
orcid.org/0000-0002-8321-8229
доктор философских наук, профессор
кафедры философии
buendia@bk.ru

Гаспарян Михаил Владимирович
orcid.org/0000-0002-8183-8475
кандидат политических наук,
доцент кафедры рекламы, связей
с общественностью и
издательского дела
mgasp@mail.ru

Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского
(Симферополь, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой
поддержке Российского научного фонда,
проект № 24-28-00413 «Образ героя
в современном российском медиапространстве:
состояние и перспективы»

New Sociality: Hero in Digital Age (A Russian Context)

Oleg A. Gabrielyan
orcid.org/0000-0003-0302-0229
Doctor of Philosophy, Professor,
Department of Philosophy
corresponding author
gabroleg@mail.ru

Dmitry V. Garbuzov
orcid.org/0000-0002-8321-8229
Doctor of Philosophy, Professor,
Philosophy Department
buendia@bk.ru

Mikhail V. Gasparyan
orcid.org/0000-0002-8183-8475
PhD in Political, Associate Professor,
Department of Advertising,
Public Relations and Publishing
mgasp@mail.ru

V. I. Vernadsky Crimean
Federal University
(Simferopol, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 24-28-00413
“The image of the hero in the modern
Russian media space: status and prospects”

© Габриелян О. А., Гарбузов Д. В., Гаспарян М. В., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Выполнен обзор теоретических и эмпирических подходов к исследованию образа героя в условиях становления новой цифрово-медиагизированной социальности, отражающей глубокие изменения в структуре современного общества, системе ценностей и формах коммуникации. Представлены результаты сравнительного анализа традиционного и современного героического архетипа в российском медиапространстве, раскрыты особенности их взаимодействия в контексте цифровой трансформации культуры. Уделяется внимание влиянию киберсоциализации, сетевых форм идентичности, цифровых коммуникаций и алгоритмических механизмов на процессы переопределения героизма и символическую репрезентацию личности. Поднимается вопрос о соотношении классических ценностей подвига, жертвы и славы с новыми репутационными и рейтинговыми практиками сетевой успешности. Сообщается, что современный герой определяется степенью медийной узнаваемости, вовлечённостью аудитории и цифровым капиталом. Показано, что цифровая среда формирует новые критерии героического поведения и общественного признания. Подчеркивается, что героический миф не исчезает, а трансформируется, сохраняя свою функцию — готовность личности отвечать на вызовы времени и преобразовывать реальность цифровой эпохи. Исследование способствует развитию философии медиакультуры, теории социальной героики и концепции цифрового гуманизма, открывая перспективы для междисциплинарных исследований.

Ключевые слова:

новая социальность; виртуальная реальность; социальные сети; киберсоциализация; цифровое общество; современный герой.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This paper provides a comprehensive review of theoretical and empirical approaches to the study of the hero archetype within the emerging digital and mediatized sociality, which reflects profound changes in contemporary society's structure, value systems, and communication forms. It presents the results of a comparative analysis of traditional and modern heroic archetypes within the Russian media landscape, elucidating their interactions in the context of cultural digital transformation. The study pays particular attention to the influence of cyber-socialization, networked identities, digital communications, and algorithmic mechanisms on the processes of redefining heroism and the symbolic representation of individuals. It raises questions regarding the relationship between classical values of heroism, sacrifice, and glory with new reputational and rating practices associated with online success. The findings indicate that the contemporary hero is defined by media visibility, audience engagement, and digital capital. The research demonstrates that the digital environment establishes new criteria for heroic behavior and public recognition. It emphasizes that the heroic myth does not disappear but rather transforms, maintaining its function — an individual's readiness to respond to the challenges of their time and reshape reality in the digital age. This investigation contributes to the development of media culture philosophy, social heroism theory, and the concept of digital humanism, opening avenues for interdisciplinary research.

Key words:

new sociality; virtual reality; social networks; cyber-socialization; digital society; contemporary hero.

УДК 179.6+070:004.738.5+366.636

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-9-189-203

Научная специальность ВАК
5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика

Новая социальность: герой в цифровую эпоху (российский контекст)

© Габриелян О. А., Гарбузов Д. В., Гаспарян М. В., 2025

1. Введение = Introduction

Целью настоящего исследования является теоретическое осмысление трансформации образа героя в условиях формирования новой цифрово-медиатизированной социальности. Особое внимание уделяется анализу влияния сетевых форм идентичности, киберсоциализации и виртуальных коммуникационных практик на функционирование героического нарратива в российском социокультурном контексте. Научный исследовательский вопрос, поднимаемый в данной статье, — каким образом цифровая трансформация социальной реальности (в частности, распространение распределённых форм идентичности и виртуальных взаимодействий) влияет на эволюцию образа героя в современном российском обществе?

В рамках достижения поставленной цели исследование направлено на поэтапное раскрытие комплекса теоретических и эмпирических проблем, связанных с трансформацией образа героя в условиях цифровой реальности. В первую очередь, осуществляется концептуальное осмысление феномена новой социальности, формирующейся на пересечении цифровых технологий, медиаплатформ и изменяющихся форм коммуникации, включая сетевую природу современной социальной структуры и роль виртуальных пространств в конструировании повседневности и идентичности.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Настоящее исследование основано на междисциплинарной методологической платформе, сочетающей элементы философского анализа, социокультурной теории, медиастудий и эмпирической социологии. Такой подход обусловлен сложностью исследуемого феномена, затрагивающего одновременно антропологические, культурные и технологические аспекты трансформации героического архетипа в цифровом обществе. Работа выполнена в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-00413) и представляет собой обобщение и систематизацию ранее полученных данных и научных работ по теме.

Центральным методологическим основанием выступает философский анализ, в рамках которого рассматриваются ключевые категории исследования (такие как героизм, идентичность, социальность, техносфера) в контексте их исторической эволюции и современного состояния. Этот анализ позволяет выявить глубинные смысловые сдвиги, происходящие в структурах коллективного сознания и символических представлениях общества.

Социокультурный подход обеспечивает возможность интерпретации изменения ценностных оснований через призму цивилизационных кодов, культурных традиций и механизмов воспроизводства культурных архетипов; он применяется для выявления факторов, влияющих на переопределение героизма в условиях социотехнической трансформации.

Медиааналитическая часть исследования реализуется посредством контент- и дискурсивного анализа цифровых платформ (социальных сетей, онлайн-СМИ, видеохостингов), где выявляются типовые формы репрезентации героя и героического поведения. Особое внимание уделяется анализу визуальных и текстовых кодов, с помощью которых конструируются новые формы символического капитала и ролевых моделей.

Эмпирическая часть опирается на данные, собранные в ходе качественного социологического исследования, реализованного в 2024—2025 годах в рамках гранта РНФ (проект № 24-28-00413, «Образ героя в современном российском медиапространстве: состояние и перспективы»). Это исследование включало анализ восприятия героических фигур в медиапространстве среди различных социальных групп, а также изучение параметров цифровой социализации и виртуальной идентичности в российском обществе.

Комплексная методология позволяет интегрировать теоретические модели и эмпирические наблюдения, формируя целостное представление о процессе трансформации культурного кода героизма в условиях новой цифровой социальности.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion.

Герой — это, прежде всего, культурный институт. Героический миф — это ядерный элемент социального габитуса, то есть способ воспроизводства социальных структур в психических (сознательных и бессознательных) структурах человеческой личности. Это означает в первую очередь, что представления о герое и героизме неразрывно связаны с историко-культурными формами социальной структуры и практики. Архетип героя сформирован в традиционном типе общества, имеющем строгую иерархическую структуру, чёткое распределение гендерных статусов и ролей между мужчинами и женщинами, расположенном на определённой географической территории, наполненной символическими смыслами. Каж-

дый представитель такого общества имеет определённую социальную и личностную идентичность, связанную с общей системой мировоззрения и картиной мира. Эта идентичность находится под защитой строгой системы запретов и наказаний. Соответственно, то, насколько драматично изменилась социальная реальность, становится определяющим вопросом для понимания статуса и судьбы института героизма в современном мире.

3.1. Цифровые технологии как среда формирования новой социальности

Взрывообразное развитие цифровых технологий привело к фундаментальным изменениям социальной реальности. Внутри традиционных, доставшихся по наследству от прошлых эпох социальных структур и процессов сформировались и формируются прямо сейчас новые типы социальности. Они стали новой повседневностью и воспринимаются как нечто естественное и необходимое, без чего невозможно нормальное существование современного человека. Прежде всего, появился и занял очень важное место новый тип социальных объектов — медиаторы в виде неодушевлённых, но лично-маркированных других (компьютер, смартфон, планшет), которые опосредуют большинство социальных взаимодействий человека [Рягузова, 2021, с. 320—325; Combi, 2016; Caruso, 2018, с. 379—392]. Они создают альтернативный двойник действительности — виртуальную реальность, в которую всё в большей степени перемещается жизнь человека [Laterza, 2021, с. 59—74; Nida-Rümelin и др., 2022; Levin и др., 2021, с. 68]. Различные интернет-платформы и социальные сети позволяют создавать для людей целые облака идентичностей, которые могут быть глубоко отличны от оффлайновых. Это позволяет формировать разные представления о себе у различных групп интернет-пользователей. Проникновение в повседневность цифровых и информационно-коммуникативных технологий стимулирует гражданский активизм любого рода — и конструктивный, и деструктивный. Исследователи отмечают, что поисковые алгоритмы помещают интернет-пользователей в «информационный кокон», настраивая автоматическую селекцию просматриваемых ресурсов. Человек становится заложником собственных интересов [Масланов, 2019, с. 6—21].

Информационный кокон (или пузырь) не единственный побочный эффект рекомендательных алгоритмов. К ним можно отнести «эффект толпы», стандартизацию ценностей посредством навязывания того, что в данный момент в тренде у большинства; влияние на формирование идентичности через рекомендации фильмов, книг, сайтов, в том числе политических; дезинформацию — распространение фейков, так как при их создании часто используются приёмы, вызывающие сильные эмоции и вирусное распространение [Bakshy и др., 2015, с. 1130—1132; O’Callaghan

и др., 2015, с. 384—393; Pariser, 2012; Susarla и др., 2012, с. 23—41; Schäfer и др., 2017].

3.2. Киберсоциализация как механизм включения личности в цифровое общество

Киберсоциализация осуществляет формирование самосознания и личности человека, реализуя комплементарность человека с техническими и функциональными характеристиками информационно-коммуникационных и цифровых технологий. Люди становятся частью социума посредством включения в IT-системы. Важнейшей разновидностью киберпространства выступают социальные сети. Здесь происходит социализация, взросление и воспитание детей. Это киберпространство люди могут организовать и структурировать под себя, под свои виртуальные идентичности [Плешаков, 2010, с. 131—141].

Социальные сети целенаправленно формируют сообщества людей со схожими интересами, мотивациями и видами деятельности. Они обеспечивают мгновенную и постоянную коммуникацию как со знакомыми, так и с незнакомыми людьми, дают доступ к архивам (музыка, кино, фото), позволяют позиционировать себя и презентовать продукты и достижения. Социальные сети институционализировали сетевой тип социального взаимодействия. Виртуальные социальные сети, генерируемые цифровыми технологиями, становятся питательной почвой для формирования альтернативной сетевой социальной структуры, в которую всё в большей степени перемещается жизнедеятельность людей, воплощаемая в множестве различных идентичностей. Активные «резиденты» соцсетей иначе включаются в формы социальной жизни, развиваются интеллектуально и эмоционально, иначе осознают себя и мир, в котором существуют. Изменения затрагивают не только инструментальный, но и фундаментальный, мировоззренческий уровень [Balaya и др., 2024].

3.3. Распределённая идентичность и феномен цифрового кочевничества

Благодаря электронным устройствам современный человек превращается в «кочевника», утрачивая резидентность в различных смыслах — в рефлексивном самосознании, отношении к миру, Другому, деятельности, месту жительства [Солдатова и др., 2018, с. 105—124]. «Распределённое» Я цифрового кочевника теряет индивидуальность, поскольку она разделяется и мультиплицируется как диахронно, так и синхронно. При этом разделённый человек становится более открытым для манипуляций — трансформации, копирования, дублирования. Неопределённость и гетерогенность цифровой среды способны реализовать самые разнообразные практики самоидентификации. Цифровые технологии создали возможность и инструменты пото-

кового производства идентичностей для социальных масс. Массовый человек становится актором, чья индивидуальность утрачивает единство и складывается из множества идентичностей, связанных с разными социальными контекстами. Если бытие человека фрагментировано и рассыпано по различным коммуникативным ситуациям, это подрывает традиционные этические принципы оценки личности [Касавина, 2018, с. 129—142]. Электронные платформы представляют инструменты для самореализации в форме презентации виртуальных идентичностей. Простота этого процесса стимулирует чрезмерное погружение в виртуальное пространство и игнорирование офлайн-реальности, что может быть индикатором аномалий социализации и девиаций. Виртуальная реальность позволяет моделировать различные идентичности и конструировать удобный мир, обладающий желаемыми качествами. Таким образом, единая реальность распадается на множество миров — мультиверсум [Mirzagayeva и др., 2022, с. 10—21].

3.4. Структурные особенности цифрового общества и формирование сетевых сообществ

Техносфера приобрела статус, аналогичный природной среде: большинство людей слабо разбираются в её устройстве, но она стала частью жизненного мира. Произошла рутинизация техники, и сформировалась зависимость от неё, схожая с зависимостью от природы. Повседневная жизнь превращается в потребление и обработку данных, генерируемых цифровыми устройствами. Человеческое общество вступает в этап конструирования реальности, в которой существование невозможно без цифровых технологий [Khazieva и др., 2018, с. 347—353; О'Нара, 2022; О'Нара, 2020; Новикова, 2019, с. 18—26]. Виртуальная реальность становится областью формирования множества сетевых социальных образований: социальных сетей, форумов, игр, чатов. Можно сказать, что она создаёт новый социум со слабой внутренней связанностью и высокой изменчивостью. Участие в этих сообществах во многом анонимно для пользователей, но персонально идентифицировано для создателей платформ [Дутко и др., 2020, с. 78—92].

Виртуальные сообщества меняют принципы социальной стратификации: классовая и профессиональная принадлежность, имущественные различия, уровень образования утрачивают значимость, а значимость приобретают случайные факторы, например, музыкальные или гастрономические пристрастия [Miguélez и др., 2021, с. 141—167]. Интернет стал главным источником формирования содержания и структуры повседневного сознания людей, определяя поведение социальных масс. Суть не только во включённости каждого в сетевые структуры, но и в том, что потребности в коммуникации и социальные ожидания формируются изначально в контексте сетевого опыта. Массовый человек утратил анонимность для

систем искусственного интеллекта, а массовое общество создаёт само для себя «общество постправды» с эмоциональными оценками и фейковыми нарративами [Krzywdzinski и др., 2018, с. 101—120; Заславская, 1997, с. 5—23].

3.5. Трансформация человеческой субъектности и телесности в цифровой среде

Рост объёмов информации и коммуникаций делает их восприятие поверхностным и менее осмысленным. Сознание и мировоззрение заполняются информационным шумом, блокирующим экзистенциально важные смыслы. Драматические изменения происходят с памятью: доступность внешних накопителей перенесла память личности из сферы психики в технические параметры цифровых устройств. Человек не столько помнит, сколько имеет возможность быстро найти нужное, и, если задачи поиска нет, соответствующий опыт исчезает из личности. Таким образом, сознание становится распределённым, технически дополненным, а память делегируется искусственным помощникам.

Цифровые технологии увеличивают операционные возможности людей присутствовать в разных пространствах. Благодаря им человек реально участвует в параллельных транзакциях своими фрагментарными идентичностями. В отличие от распределённого сознания, тело сохраняет единство, поддерживая человеческое существование. Это повышает ценность телесности. Распределённое сознание создаёт новый опыт, выходящий за пределы физического восприятия и формирующий новую телесность человека [Krzywdzinski и др., 2018, с. 101—120; Заславская, 1997, с. 5—23].

3.6. Культурный герой как индикатор аксиологических сдвигов цифровой эпохи

В контексте описанных технологических изменений возникают вопросы этического порядка. Важно установить, как это влияет на природу героического. Многомерный характер идентичности должен адаптировать традиционные ценности к условиям расширенной телесности. Для общества важно формировать собственное информационно-коммуникативное поле, в рамках которого возникают базовые культурные надличностные структуры: мифология, этика, языковое поле коммуникации, система управления. При отсутствии самодостаточности исчезают и герой, и перспективы развития социума.

Сложившиеся противоречия проявляются при попытке построения образа современного героя. Сегодня герой — это часто «простой человек», успешно преодолевающий трудности повседневности, а не носитель жертвы и подвига. Последнее характерно для классической традиции, первое — для современности, где герой — self-made man. Его успешность

вдохновляет, но этого недостаточно в экзистенциальных ситуациях, когда требуется реальный герой в традиционном смысле. Цивилизациям нужны собственные герои, возникающие на основе культурного кода и традиции.

Таким образом, трансформация героического архетипа в условиях цифровой социальности может быть представлена как логическая последовательность стадий. На рисунке 1 показан переход от традиционного героя к гибридной цифровой фигуре в контексте сетевой идентичности и медиакультуры.

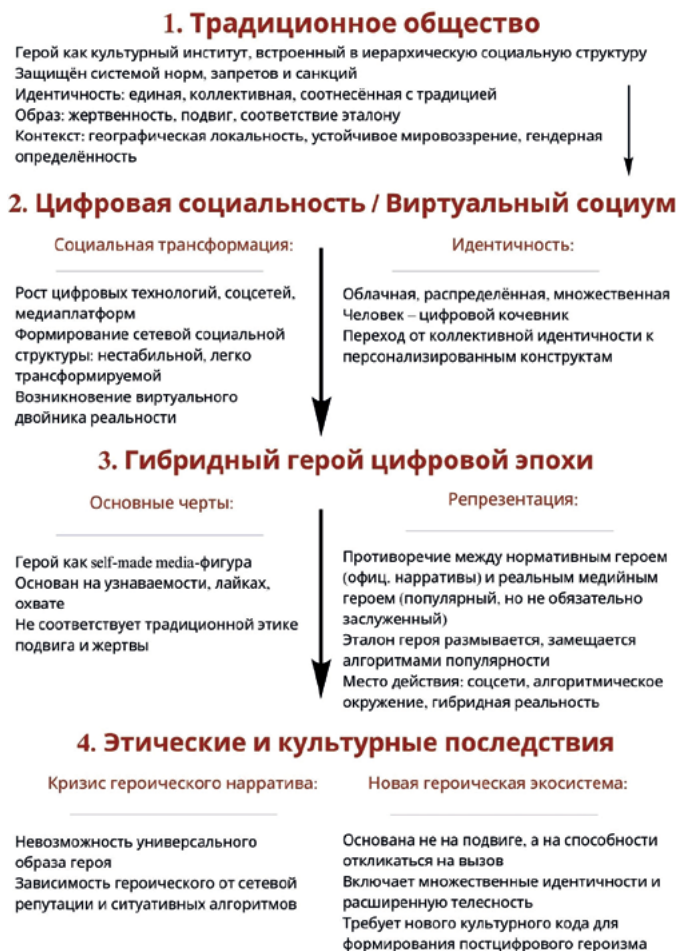

Рис. 1. Трансформация образа героя в цифровом обществе

3.7. Образ героя в контексте формирования новой российской социальности

После распада СССР наблюдалась сложная динамика формирования новой российской социальности, наложившаяся на процессы цифровизации. Это стало следствием радикальной трансформации феномена «советского народа». К началу 1990-х годов такая социальность реально сложилась и частично сохранилась у старшего и среднего поколений. Она не была однородной, но объединялась общей идеологией, задающей эталон героя — от героев революции и труда до героев Великой Отечественной войны. В те периоды эталон совпадал с образом реального героя.

В 1990-е годы российское общество пережило разрушение прежней социальности. С начала 2000-х начался период формирования новой. Как отмечала Т. И. Заславская, к середине девяностых сложилась специфическая социальная стратификация [Шлык, 2013]. Однако и сегодня трудно говорить об устоявшейся новой социальности. На первый план выходят стратификация по доходам и технологическая социальность. Эти группы нестабильны, трансферы между ними случайны. Возникает информальитет — группы без устойчивых параметров самоидентификации. Общество теряет связь с традицией, но сохраняет стремление удерживать традиционные ценности в новом формате. Возникает вопрос: возможно ли сохранить эти ценности в обществе потребления, в которое трансформировалась Россия?

4. Заключение = Conclusions

Проведённое исследование позволяет сделать следующие обобщённые выводы.

Новая социальность российского общества находится в стадии формирования. Её характерные признаки — изменчивость, нестабильность и высокая степень адаптивности к цифровым и медиатехнологическим процессам.

Образ героя в современном российском обществе фрагментирован и гибриден. Он претерпевает те же структурные трансформации, что и другие элементы социальной реальности цифровой эпохи. Это проявление принципа соответствия: социальные феномены отражают общую логику времени, в котором существуют.

В современных российских медиа наблюдается расхождение между нормативным (официально транслируемым) и реальным образом героя. Нормативный герой апеллирует к традиционным ценностям, тогда как медийная практика формирует тип «успешного» героя, ориентированного на видимость, лайки, просмотры и популярность.

Образ современного героя не оформился как надличностная структура. Он не стал устойчивым элементом коллективного сознания и не вопло-

тился в полноценную культурную матрицу, что указывает на процессуальный характер формирования героического архетипа.

Современная героика соотносится с логикой сетевой идентичности. В информационно-коммуникативной среде герой — это фигура, чья значимость определяется сетевыми показателями узнаваемости и вовлечённости. Таким образом, понятие героизма сдвигается от подвига и жертвы к публичной активности и цифровой успешности.

Новая социальность противоречива по своей сути. С одной стороны, она формируется в условиях глобальных технологических трендов, а с другой — испытывает воздействие цивилизационных вызовов, требующих сохранения идентичности и культурного кода. Это создаёт напряжение между универсализмом цифровой культуры и стремлением общества сохранить традиционные ценности.

В целом можно констатировать, что социальная реальность и человек в последние десятилетия изменились столь радикально, что героический миф уже не может функционировать в прежних формах. Особенно это заметно среди молодого поколения, не имевшего опыта жизни в «доцифровую» эпоху. Их идентичность распределена, она представляет собой совокупность облаков, не сводимых к единой целостности. Для таких индивидов трудно выделить универсальный эталон героизма.

Форматирование самосознания и личности современного человека происходит через процессы киберсоциализации. Цифровые инструменты помещают людей в «информационные коконы», задающие демаркацию личностных миров. Единая реальность распадается на множество параллельных миров, и каждый человек живёт в собственном, зачастую замкнутом пространстве смыслов. В этих условиях универсальный герой невозможен: он множится, дробится и становится продуктом конкретной сетевой среды.

В современной цифровой культуре репутационный рейтинг становится новым основанием этики, а восприятие добра и зла — результатом ситуативного консенсуса внутри сетевых сообществ. Это усложняет восприятие героического и антигероического: образ героя становится зависимым от контекста, аудитории и алгоритмов.

Тем не менее архетип героизма сохраняет фундаментальную функцию: он выражает способность человека отвечать на вызовы бытия. В любой культуре герой остаётся тем, кто принимает вызов и готов жертвовать собой ради изменения мира. В духе интерпретации, предложенной в работе [World spirit..., 2024, с. 19—31], цифровая реальность может рассматриваться как проявление мирового информационного процесса, в котором человек становится активным медиатором духовной эволюции. Именно эта готовность к действию и самопреодолению должна стать основой новой культуры геро-

изма — культуры, способной интегрировать традиционные ценности в пространство распределённой идентичности и множественных цифровых миров.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Литература

1. *Габриелян О. А.* Социально-психологическое самочувствие молодежи в Республике Крым : испытание кризисами / О. А. Габриелян, А. А. Зоткин // Власть. — 2024. — № 1. — С. 131—137. — DOI: 10.31171/vlast.v32i1.9960.
2. *Габриелян О. А.* Образ героя в современном российском медиапространстве : состояние и перспективы исследования / О. А. Габриелян, М. В. Гаспарян // Политическая наука в меняющемся мире. — Москва : РУДН, 2023. — С. 116—117.
3. *Дутко Ю. А.* Особенности формирования мышления личности в цифровой среде (сравнительный анализ поколений) / Ю. А. Дутко, Е. В. Беловол // Научный результат. Педагогика и психология образования. — 2020. — Т. 6. — № 1. — С. 78—92.
4. *Заславская Т. И.* Социальная структура современного российского общества / Т. И. Заславская // Общественные науки и современность. — 1997. — № 2. — С. 5—23.
5. *Касавина Н. А.* Человек и техника : амбивалентность электронной культуры / Н. А. Касавина // Эпистемология и философия науки. — 2018. — Т. 55. — № 4. — С. 129—142.
6. *Масланов Е. В.* Цифровизация и развитие информационно-коммуникационных технологий : новые вызовы или обострение старых проблем? / Е. В. Масланов // The Digital Scholar: Philosopher's Lab. — 2019. — Т. 2. — № 1. — С. 6—21. — DOI: 10.5840/dspl2019211.
7. *Новикова О. Н.* Игроизация бытия человека, или Всевластие игрового праксиса / О. Н. Новикова // Социум и власть. — 2019. — № 2 (76). — С. 18—26. — DOI: 10.22394/1996-0522-2019-2-18-26.
8. *Плешаков В. А.* Киберонтология и психология безопасности информационной сферы : аспект киберсоциализации человека в социальных сетях Интернет-среды / В. А. Плешаков // Вестник ПСТГУ IV : Педагогика. Психология. — 2010. — Выпуск 4 (19). — С. 131—141.
9. *Рягузова Е. В.* Homo Digitalis : запрос на новую конфигурацию индивидуальности / Е. В. Рягузова // Известия Саратовского университета. Серия : Философия. Психология. Педагогика. — 2021. — Т. 21. — Выпуск 3. — С. 320—325.
10. *Солдатова Е. Л.* Феномен виртуальной идентичности : современное состояние проблемы / Е. Л. Солдатова, Д. Н. Погорелов // Образование и наука. — 2018. — Т. 20. — № 5. — С. 105—124.
11. *Шлык Л. Н.* Социальная стратификация в современном российском обществе [Электронный ресурс] / Л. Н. Шлык. — Режим доступа : https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/51956/1/klo_2013_059.pdf (дата обращения 21.08.2025).
12. *Bakshy E.* Exposure to ideologically diverse news and opinion on Facebook / E. Bakshy, S. Messing, L. A. Adamic // Science. — 2015. — Vol. 348. — № 6239. — Pp. 1130—1132. — DOI: 10.1126/science.aaa1160.

13. *Balayar B.* Socioemotional competencies and happiness : the moderation of mindfulness and social media engagement / B. Balayar, M. Langlais // *Academia Mental Health and Well-Being*. — 2024. — Vol. 1 (3). — Pp. 36—45. — DOI: 10.20935/MHealthWellB7436.
14. *Caruso L.* Digital innovation and the fourth industrial revolution / L. Caruso // *AI & SOCIETY*. — 2018. — Vol. 33 (3). — Pp. 379—392. — DOI: 10.1007/s00146-017-0736-1.
15. *Combi M.* Cultures and Technology / M. Combi // *Cultural Heritage in a Changing World*. — 2016. — Pp. 3—15. — DOI: 10.1007/978-3-319-29544-2_1.
16. *Khazieva N.* Digital Society / N. Khazieva, A. Khaziev, E. Klyushina // *Journal of History Culture and Art Research*. — 2018. — Vol. 7 (4). — Pp. 347—353. — DOI: 10.7596/taksad.v7i4.1856.
17. *Krzywdzinski M.* The Social Consequences of the Digital Revolution / M. Krzywdzinski // *Le grandi questioni sociali del nostro tempo*. — 2018. — Pp. 101—120. — DOI: 10.30687/978-88-6969-273-4/008.
18. *Laterza V.* Human-technology relations in an age of surveillance capitalism / V. Laterza // *EtnoAntropologia*. — 2021. — Vol. 9 (2). — Pp. 59—74.
19. *Levin I.* Culture and Society in the Digital Age / I. Levin, D. Mamlok // *Information*. — 2021. — Vol. 12 (2). — Pp. 68—74. — DOI: <https://doi.org/10.3390/info12020068>.
20. *Miguélez F.* Digital Revolution and Sociocultural Change / F. Miguélez, J. Planas, P. Benítez // *Towards a Comparative Analysis of Social Inequalities between Europe and Latin America*. — 2021. — Pp. 141—167. — DOI: 10.1007/978-3-030-48442-2_5.
21. *Mirzagayeva Sh.* The digitalization process / Sh. Mirzagayeva, H. Aslanov // *Metafizika*. — 2022. — Vol. 5 (4). — Pp. 10—21.
22. *Nida-Rümelin J.* Cultural Aspects of Digitalization / J. Nida-Rümelin, N. Weidenfeld // *Digital Humanism*. Springer. — 2022. — Pp. 51—86. — DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-12482-2_15.
23. *O'Callaghan D.* Down the (White) Rabbit Hole / D. O'Callaghan, D. Greene, M. Conway, J. Carthy // *ICWSM*. — 2015. — Pp. 384—393.
24. *O'Hara K.* Digital Modernity / K. O'Hara // *Foundations and Trends in Web Science*. — 2022. — Vol. 9 (1—2). — Pp. 1—254. — DOI: 10.1561/18000000031.
25. *O'Hara K.* The contradictions of digital modernity / K. O'Hara // *AI & SOCIETY*. — 2020. — Vol. 35. — Pp. 197—208. — DOI: 10.1007/s00146-018-0843-7.
26. *Pariser E.* *The Filter Bubble : What the Internet Is Hiding from You* / E. Pariser. — New York : Penguin Press, 2012. — 294 p.
27. *Schäfer M. T.* *The Datafied Society* / M. T. Schäfer. — Amsterdam : Amsterdam University Press, 2017. — 265 p. — ISBN 978-94-6298-136-2.
28. *Susarla A.* Social Networks and the Diffusion of User-Generated Content / A. Susarla, J. H. Oh, Y. Tan // *Information Systems Research*. — 2012. — Vol. 23 (1). — Pp. 23—41. — DOI: <https://doi.org/10.1287/isre.1100.0339>.
29. *World spirit from the standpoint of modern information theory* / I. E. Suleimenov, O. A. Gabrielyan, A. R. Massalimova, Y. S. Vitulyova // *European Journal of Science and Theology*. — 2024. — Vol. 20 (1). — Pp. 19—31.

*Статья поступила в редакцию 23.07.2025,
одобрена после рецензирования 27.10.2025,
подготовлена к публикации 08.11.2025.*

References

- Bakshy, E., Messing, S., Adamic, L. A. (2015). Exposure to ideologically diverse news and opinion on Facebook. *Science*, 348 (6239): 1130—1132. DOI: 10.1126/science.aaa1160.
- Balayar, B. (2024). Socioemotional competencies and happiness: the moderation of mindfulness and social media engagement. *Academia Mental Health and Well-Being*, 1 (3): 36—45. DOI: 10.20935/MHealthWellB7436.
- Caruso, L. (2018). Digital innovation and the fourth industrial revolution. *AI & SOCIETY*, 33 (3): 379—392. DOI: 10.1007/s00146-017-0736-1.
- Combi, M. (2016). Cultures and Technology. *Cultural Heritage in a Changing World*. 3—15. DOI: 10.1007/978-3-319-29544-2_1.
- Dutko, Yu. A., Belovol, E. V. (2020). Features of the formation of personal thinking in the digital environment (comparative analysis of generations). *Scientific result. Pedagogy and psychology of education*, 6 (1): 78—92. (In Russ.).
- Gabrielyan, O. A., Gasparyan, M. V. (2023). The image of a hero in the modern Russian media space: the state and prospects of research. In: *Political science in a changing world*. Moscow: RUDN University. 116—117. (In Russ.).
- Gabrielyan, O. A., Zotkin, A. A. (2024). Socio-psychological well-being of youth in the Republic of Crimea: a test of crises. *Power*, 1: 131—137. DOI: 10.31171/vlast.v32i1.9960. (In Russ.).
- Kasavina, N. A. (2018). Man and technology: the ambivalence of electronic culture. *Epistemology and Philosophy of Science*, 55 (4): 129—142. (In Russ.).
- Khazieva, N., Khaziev, A., Klyushina, E. (2018). Digital Society. *Journal of History Culture and Art Research*, 7 (4): 347—353. DOI: 10.7596/taksad.v7i4.1856.
- Krzywdzinski, M. (2018). The Social Consequences of the Digital Revolution. *Le grandi questioni sociali del nostro tempo*. 101—120. DOI: 10.30687/978-88-6969-273-4/008.
- Laterza, V. (2021). Human-technology relations in an age of surveillance capitalism. *Etno-Antropologia*, 9 (2): 59—74.
- Levin, I., Mamlok, D. (2021). Culture and Society in the Digital Age. *Information*, 12 (2): 68—74. DOI: <https://doi.org/10.3390/info12020068>.
- Maslanov, E. V. (2019). Digitalization and development of information and communication technologies: new challenges or exacerbation of old problems? *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 2 (1): 6—21. DOI: 10.5840/dspl2019211. (In Russ.).
- Miguélez, F., Planas, J., Benítez, P. (2021). Digital Revolution and Sociocultural Change. *Towards a Comparative Analysis of Social Inequalities between Europe and Latin America*. 141—167. DOI: 10.1007/978-3-030-48442-2_5.
- Mirzagayeva, Sh., Aslanov, H. (2022). The digitalization processe. *Metafizika*, 5 (4): 10—21.
- Nida-Rümelin, J., Weidenfeld, N. (2022). Cultural Aspects of Digitalization. *Digital Humanism*. Springer. 51—86. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-12482-2_15.
- Novikova, O. N. (2019). Gamification of human existence, or the Omnipotence of gaming practice. *Society and Power*, 2 (76): 18—26. DOI: 10.22394/1996-0522-2019-2-18-26. (In Russ.).
- O'Callaghan, D., Greene, D., Conway, M., Carthy, J. (2015). Down the (White) Rabbit Hole. *ICWSM*. 384—393.
- O'Hara, K. (2020). The contradictions of digital modernity. *AI & SOCIETY*, 35: 197—208. DOI: 10.1007/s00146-018-0843-7.
- O'Hara, K. (2022). Digital Modernity. *Foundations and Trends in Web Science*, 9 (1—2): 1—254. DOI: 10.1561/18000000031.

- Pariser, E. (2012). *The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You*. New York: Penguin Press. 294 p.
- Pleshakov, V. A. (2010). Cyberontology and psychology of information security: an aspect of human cybersocialization in the social networks of the Internet environment. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University IV: Pedagogy. Psychology*, 4 (19): 131—141. (In Russ.).
- Ryaguzova, E. V. (2021). Homo Digitalis: a request for a new configuration of individuality. *Proceedings of the Saratov University. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 21 (3): 320—325. (In Russ.).
- Schäfer, M. T. (2017). *The Datafied Society*. Amsterdam: Amsterdam University Press. 265 p. ISBN 978-94-6298-136-2.
- Shlyk, L. N. *Social stratification in modern Russian society*. Available at: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/51956/1/klo_2013_059.pdf (accessed 21.08.2025). (In Russ.).
- Soldatova, E. L., Pogorelov, D. N. (2018). The phenomenon of virtual identity: the current state of the problem. *Education and Science*, 20 (5): 105—124. (In Russ.).
- Suleimenov, I. E., Gabrielyan, O. A., Massalimova, A. R., Vitulyova, Y. S. (2024). World spirit from the standpoint of modern information theory. *European Journal of Science and Theology*, 20 (1): 19—31.
- Susarla, A., Oh, J. H., Tan, Y. (2012). Social Networks and the Diffusion of User-Generated Content. *Information Systems Research*, 23 (1): 23—41. DOI: <https://doi.org/10.1287/isre.1100.0339>.
- Zaslavskaya, T. I. (1997). The social structure of modern Russian society. *Social Sciences and Modernity*, 2: 5—23. (In Russ.).

*The article was submitted 23.07.2025;
approved after reviewing 27.10.2025;
accepted for publication 08.11.2025.*